

Б. В. Кунавин

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСЕТИНСКИХ
И ОБЩЕСЕВЕРОКАВКАЗСКИХ РЕГИОНАЛИЗМОВ В РОМАНЕ

А. ЦАЛИКОВА «БРАТ НА БРАТА»

Актуальность предпринятого исследования обусловлена обострившимся в последнее время интересом к проблемам филологической регионалистики, предметом исследования которой является язык регионов, характеризующийся своеобразной территориальной окраской. Между тем, в существующей научной литературе такие понятия, как региолект, регионализм не получили однозначного толкования и четко не отграничены от смежных понятий. Не выясненным остается вопрос об отношении региональных вариантов языка к общезыковой норме, не определено отношение региолекта к литературному языку, не выявлен состав региолекта. Много спорных вопросов связано с регионализмами, представляющими собой локальные заимствования и функционирующими в ткани художественного произведения. И в этом смысле актуальность данной статьи представляется очевидной. Целью статьи является исследование функций общекавказских и осетинских регионализмов в романе А. Цаликова «Брат на брата». Основными методами исследования являются описательный, стилистический и когнитивный. Научная новизна работы заключается в уточнении понятий региолекта, регионализма, в раскрытии функций регионально маркированных единиц в романе Цаликова «Брат на брата», в постижении творческой индивидуальности автора, в описании структуры повествования в романе и раскрытии способов репрезентации в нем локальных заимствований. Основными результатами работы являются следующие. Выявлена важнейшая функция регионализмов в романе, используемая для романтизации патриархальной осетинской жизни в ее противопоставлении цивилизации, нивелирующей многие национальные явления, разрушающей народные нравственные основы. Именно эта функция осетинских регионализмов является основополагающей в романе, ибо они наиболее адекватно передают содержание когнитивной структуры и способствуют воссозданию национальной картины мира; кроме того выделены тематические группы указанного разряда региональной лексики в тексте произведения; рассмотрены способы их включения в ткань романа; проанализировано их взаимодействие с другими элементами текста. Сделан вывод о том, что помимо передачи колорита осетинской жизни, транслирования традиционной осетинской культуры, анализируемые регионализмы служат передаче эмоционального состояния героев, особенно главного героя, страстно протестующего против негативных сторон цивилизации и романтизирующего патриархальный уклад жизни.

Ключевые слова: региолект, регионализм, локальное заимствование, регионалистика, диалект, диалектизм, ксенизм, варвариизм, экзотизм.

В настоящее время мир развивается в двух прямо противоположных направлениях. С одной стороны, наблюдается тенденция к глобализации, к стиранию региональных и национальных различий, а с другой, — стремление сохранить свою этническую идентичность, национальное своеобразие, региональные особенности, что стимулирует, в

частности, исследование региональной художественной литературы, региональных вариантов языка, не только в процессе его функционирования в устном общении, но и в художественном произведении, репрезентирующем региональное языковое своеобразие. Писатели, изображающие жизнь того или иного региона, используя регионально

маркированные языковые единицы, воссоздают оригинальный колоритный образ своей территории.

Постигая творческую индивидуальность мастера художественного слова, можно проследить ход языковых процессов в регионе, эволюцию «региональной субкультуры с использованием филологического инструментария» [1, 196].

В последнее время интерес к обозначенной проблеме усилился. Так, Е. В. Черемисина указывает на то, что в Курске в 2009 году была создана научно-исследовательская лаборатория «Курское слово», занимающаяся изучением языка писателей курского края. В Тамбове издается информационный аналитический и научный журнал «Филологическая регионалистика». В Томском университете организована целая научная школа, исследующая местные городские тексты [2, 45].

Посредством филологического и лингвокультуроведческого анализа местнографических текстов можно познакомиться с жизнью региона, со своеобразием его культуры, предпочтениями и ценностями.

Для осуществления подобного исследования необходимо определиться с терминологическим аппаратом, т.е. с дефинициями таких терминов, как *региолект*, *регионализм* и их характерными отличиями от смежных понятий — *диалекта*, *диалектизма*, *просторечия*.

Понятие *региолекта* генетически связано с понятием *диалекта*. Данный термин был введен в научный оборот французскими диалектологами в середине XX века [3, 32]. В отечественном языкознании термин *региолект* впервые был использован М. А. Бородиной [4, 34]. Затем его начинает использовать

известный ленинградский диалектолог В. И. Трубинский [5], а также профессор Ленинградского госуниверситета А. С. Герд [6; 7].

А. С. Герд под *региолектом* понимает устную форму речи, утратившую архаические диалектные средства и развившую новые особенности [6, 23]. Таким образом, согласно мнению ученого, *региолект* в основе своей представляет собой диалект, утративший ярко диалектные черты, а также приобретший новые местные особенности.

В настоящее время принимается точка зрения, согласно которой под *региолектом* понимается «речь жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия» [8, 300]. При этом под *просторечием* следует понимать не над-территориальные ненормированные языковые единицы, а регионально маркированные, т.е. их функционирование территориально ограничено. Впрочем, приведенное определение, как и многие другие, не является исчерпывающим, поскольку в нем не учитывается своеобразие *региолектов* в национально-территориальных регионах, в которых огромную роль играют локальные заимствования из языков народов России.

Весьма спорным представляется отношение *региолекта* к литературному языку. Одни ученые считают его вариантом литературного языка [9, 22; 10], другие отказывают ему в литературности [6; 11, 12].

На наш взгляд, *региолект* не может быть вариантом литературного языка не только в силу того, что входящие в него языковые элементы находятся за пределами общелитературной языковой нормы, но и потому, что *региолект*

в отличие от литературного языка и диалектов не представляет собой системы. Региолект занимает промежуточное положение между просторечием и литературным языком. Ареальные языковые черты отталкивают его от просторечия, а ненормированность и ареальность его единиц не дают совпасть с литературным языком. Со стороны своего состава региолект гетерогенен, поскольку в него входят не только диалектизмы, но и территориально ограниченные просторечия, жаргонизмы, литературные слова, проявляющие неодинаковую динамику функционирования в различных регионах России, локальные заимствования, местная топонимика, местные социолекты.

Единицами региолекта являются регионализмы — локально маркированные единицы языка. По своему происхождению они могут быть исконными местными словами, а также заимствованными из другого языка, но употребляемыми «только на определенной территории в региолектах, бытующих в зоне контактирования языков» [8, 99].

Регионализмы обозначают предметы и явления определенной местности, функционируя не только в устной речи жителей того или иного региона, но и в художественных текстах, выполняя номинативно-терминологическую или стилистическую функцию [12].

Предметом исследования в настоящей статье являются регионализмы, представляющие собой локальные заимствования. Поэтому их следует охарактеризовать несколько подробнее. Впервые подобные заимствования в отечественном языкознании были подвергнуты исследованию в трудах И.Е. Гальченко, считавшего их неотъемлемой частью лексического состава

русского языка того или иного региона [13, 33].

Лексические заимствования из языков народов России в отличие от заимствований из иностранных языков функционируют в определенном ареале, а не повсеместно, они не входят в состав литературного русского языка, в его основной словарный фонд. В то же время они не представляют собой ни варваризмов, ни экзотизмов, так как «входят в активный запас русского языка того или иного региона, являясь обычными различителями жизненных понятий» [13, 34]. Вместе с тем, они находятся за пределами русского литературного языка, поскольку их функционирование территориально ограничено, и они не соответствуют такому признаку современного русского литературного языка, как общераспространенность.

Т.В. Жеребило в своей дефиниции регионализмов разграничивает исконные и заимствованные регионализмы: «1. Местное слово или выражение, бытующее на определенной территории, употребляемое носителями региолекта. 2. Лексическая единица, заимствованная из другого языка, но используемая на определенной территории в региолектах, бытующих в зоне контактирования языков [8, 299].

Исконные регионализмы, как и заимствованные, также являются внелитературными языковыми единицами. В.И. Беликов культивирует идею о региональности нормы и предлагает регионализмы включать в систему литературного языка [14, 27-28], что представляется недоразумением. Невозможно также согласиться с Ю.А. Резвухиной, предлагающей вопрос о включении или невключении

того или иного регионализма в литературный язык решать автономно [15]. Любая территориально ограниченная в своем функционировании языковая единица, за исключением общепризнанных литературных вариантов типа *творог* — *творо́г*, *обух* — *обу́х* и т.п., не является литературной, поскольку не соответствует указанному выше свойству общераспространенности.

Что касается использования регионализмов в художественных произведениях, то в них они не только выполняют номинативную и стилистическую функцию, но и являются мощнейшим транслятором региональной культуры. В последнее время усилился интерес к изучению функций региональной лексики в художественной литературе. Однако в основном ученые концентрируются на исследовании исконных по происхождению регионализмов [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22]. Изучению же функций локальных заимствований в художественной речи уделяется недостаточное внимание. Настоящая статья, посвященная изучению осетинских, а также общесеверокавказских регионализмов в романе осетинского писателя А. Цаликова «Брат на брата» в определенной степени восполняет существующий пробел.

Роман «Брат на брата» занимает важное место в творчестве Ахмеда Цаликова. Произведение носит выраженный полемический характер, в нем сурово описываются революционные события 1918 года в Осетии. В отличие от традиционной эпопеи в романе отсутствует историческая дистанция и монументальность формы. Писатель проникновенно и глубоко лирически описывает простых горцев-осетин, быт, нравы, обычаи, природу Осетии. Пове-

ствование осуществляется от первого лица и лишено какого-либо эпического бесстрастия, пронизано прямыми оценками главного героя — Алибека, в которого автор вложил много автобиографических черт.

Для адекватного описания функций осетинских регионализмов в языке романа важно учитывать два фактора: 1) автор в совершенстве владеет русским языком, на котором написан роман, и родным осетинским языком; 2) главный герой романа — полковник российской армии Алибек — разочарован большевистской революцией, негативные события которой приводят его к отрицанию плодов цивилизации и к романтизации патриархального горского быта.

Анализируемый текст изобилует локальными заимствованиями, придающими своеобразие художественному повествованию. Действие романа разворачивается в Осетии, поэтому используемые в нем регионализмы служат созданию яркого образа описываемого пространства, колоритных образов горцев, воспроизведению патриархального осетинского быта, традиционной народной культуры, впечатляющей характеристике культурных констант. В романе широко представлены не только регионализмы, служащие обозначению осетинских предметов быта и реалий народной культуры, но и собственные имена, микропонимы. Естественно, в рамках настоящей статьи все многообразие указанной лексики исследовать невозможно, поэтому ограничимся изучением функциональных свойств лексических регионализмов.

Следует заметить, что анализируемые ниже регионализмы со стороны их восприятия русскоязычными говоря-

щими характеризуются определенной двойственностью. Практически для всех жителей Осетии они представляются стилистически нейтральными наименованиями различных явлений и предметов, однако для большей части жителей всей страны либо вообще неизвестны, либо малоизвестны.

Причем регионализмы, используемые А. Цаликовым в исследуемом романе, с точки зрения распространения в русском языке неоднородны. Одни из них (адат, бурка, абрек, башлык, кунак, калым, аул, черкеска, джигит, гяур и др.), распространенные во всем северокавказском регионе и через посредство русской художественной литературы вошедшие в состав русского языка, хотя и характеризуются региональной окраской, тем не менее, известны большинству русского населения России. Другие (фусум, хадзар, олибах, хабизджинта, ныхас, хист, нана, каба и др.) известны в основном лишь жителям Осетии, а большинством жителей России воспринимаются в качестве ксенизмов, «чужих слов», использование которых в тексте романа сопровождается либо металингвистическим знаком (дескриптивной парафразой), либо толкуется в примечаниях автора. Ср.: «Вот приходит столетний Хазби. Его ведут под руки. Давно уже не показывается он на *ныхасе*» ([23, 401] — далее все примеры приводятся по указанному изданию). Лексема *ныхас* поясняется в примечаниях автора: «Особое место, где собираются старики» (с.509). Используя подобные слова в русскоязычном тексте, автор передает «кусочек» чужой (для русского языка) картины мира в соответствии с чужим способом концептуализации, транслирует фрагмент другой модели мира [24, 79]. В свое

время В. В. Виноградов по этому поводу справедливо писал: «Означая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание «кусочка действительности» и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались и осознаются обществом, народом в известную эпоху» [25, 4].

Употребляя слово родного языка, Цаликов тем самым избегает его описательного наименования в русском языке, кроме того, подобная способность слова дает русскоязычному читателю осязаемо почувствовать физическое и психическое воздействие обозначенного феномена [26].

Совершенное владение автором как родным, так и русским языком позволяет ему свободно калькировать осетинские пословицы, поговорки, проклятия, приветствия и другие формулы речи, автоматически перенося их на систему русского языка.

Поскольку в качестве нарратора в анализируемом романе представлен персональный повествователь-рассказчик в форме первого лица, выступающий как свидетель, очевидец, наблюдатель и непосредственный участник описываемых событий, постольку регионализмы встречаются исключительно в речи персонажей. Ср.: «“Что мы сюда пришли, олибахта (пирог) кушать и двойное (арака двойной перегонки) распивать!..” — кричит направо в группе долговязый парень...» (с.285). Включение подобных регионализмов в речь героев романа не только дает определенную характеристику художественному образу, но и способствует созданию речевого портрета

персонажа, проживающего в определенном регионе.

Следует подчеркнуть, что главный герой иногда сам открыто указывает на то, что выражения родной речи в устах другого персонажа пробуждают в нем добрые чувства. Особенно ярко это проявляется в следующем диалоге с использованием варваризма: «- Значит, кто же ты теперь; осетин-христианин или осетин-мусульманин, или просто? — спрашиваю я опять. — Я просто — *ирон магур лаг*, моя религия — завешенный мне дедами и отцами — священный адат, мой же Бог — мое чистое лицо» (с.292). В приведенном диалоге Алибека и Асаге варваризм «ирон магур лаг» («осетин бедный человек»), лексический регионализм «адат» («неписанный закон, обычай»), *чистое лицо* (калька с осетинского языка, означающая чистоту совести) служат выражению авторского отношения к традиционным осетинским ценностям, что эксплицируется прямыми оценками Алибека — рупора идей автора: «Я поражен и бесконечно рад слышать такой ответ из уст простого горца, столь совпадающий с моим собственным настроением» (с.292).

Используемые А. Цаликовым регионализмы принадлежат к разным механизмам языка, но доминируют имена существительные: *бешмет*, *адат*, *булкон* (полковник), *газыри*, *чурек*, *фынг* и др. Слова других частей речи единичны. Ср.: глаголы: *джигитовать*; имена прилагательные: *шухой* (безденежный), *бадиятский*, *аульный*; междометия: *айгяй*, *оуау*, *горметта*.

Как следует из приведенных примеров, глагол произведен от регионализма имени существительного при помощи словообразовательного средства

русского языка. При помощи такого же средства образованы имена прилагательные. Особенно много образовано при помощи русских приставок и суффиксов имен существительных от микротопонимов. Подобные образования обозначают жителей того или иного аула: *даргбыдырцы*, *шишкауцы* и т.п. К сожалению, в рамках настоящей работы невозможно представить комплексно весь региолект, манифестированный в анализируемом художественном тексте, поэтому ограничимся лишь анализом определенных групп лексики, исключая собственные имена, микротопонимы, калькированные синтаксические конструкции.

В романе выделяются следующие тематические группы локальных заимствований: а) наименования людей по их социальной принадлежности, степени родства, роду деятельности, месту расселения, профессии: *булкон* (полковник), *соаульник*, *багенджинцы*, *нана* (мама), *абрек*, *шишкауцы*, *чын-дэхассан* (подруга невесты, шафер), *гяур*, *даргбыдырцы*, *кадий*, *бадията* (высшее сословие в Дигории), *фусум* (хозяин, принимающий гостей), *уастырджисты*, *тепсыкоюртовцы*, *цыхтырцы*, *ширхкулцы*, *мулла*, *хаджи*, *шишкауцы*, *ороседзау* (этим именем осетины называют лиц, побывавших в России и набравшихся там русского духа), *зулджинец*, *алдар* (князь, феодал, помещик), мусульманские *зикристы*, *корменисты*, *картанаг* (глашатай или гонец по печальному поводу); б) наименования продуктов питания, напитков, кушаний: *кабынта* (разновидность лепешек), *арака* (спиртной напиток), *хабизджинта* (пирог с сыром), *азарпеш* (сосуд для пива), *олибахта* (особые осетинские пироги); в) наименования явлений

природы: «Палки пастуха» (созвездие Ориона), «Шесть сестер, ищущих седьмую» (созвездие Плеяды), «Арфаны фад» (Млечный путь), «Бонварнон» (утренняя заря); г) наименования божеств, мифических существ и предметов, священных писаний: Аллах, Уастырджи, Аларды (Божество оспы [27,51]), Уацилла (Божество плодородия), Сафа (Создатель и покровитель надочажной цепи [28, 418]); д) термины народного и религиозного права: шариат, адат; е) названия бытовых и свадебных обрядов, обычаев, верований, культовых предметов: калым (плата за невесту), намаз, хист (поминальная трапеза); ж) наименования селений, жилищ, хозяйственных построек: аул, кунацкая, хадзар; з) названия видов одежды, обуви, головных уборов, украшений: чалма, папаха, бурка, башлык, бешмет, черке-ска, очкур (пояс для шароваров), каба (верхнее женское платье осетинки); и) наименования гор, утесов, курганов: Чристи-Цупа (вершина Казбека), Арвы-ком (Дарьяльское ущелье), утес Дзуар, гора Аларды, курган Казуат, курган Келемет; к) наименования предметов быта: фынг (маленький столик на трех ножках), кулэг (длинная маслостойная кадушка), кувган (медный кувшин для воды), хурджин (мешок, ранец); некоторые регионализмы встретились единично: «Кермен» (название партии), хабар (новость), ныхас (место, где собираются старики), гурда (шашка).

Обратимся к рассмотрению некоторых регионализмов в контексте: «Мы ведь осетины, а не мусульмане и не христиане, мы скорей *уастырджисты* или даже язычники с культом заповедных рощ, вековых деревьев, духов, которыми мы наполняем поля и леса, воды и горы, дома и пещеры. Наша молитва

— чинок *араки* или чаша пива в одной руке, круглый пирог с сыром в другой» (с.319). В приведенном примере необычайно значима роль регионализма *уастырджисты*, образованного при помощи русского заимствованного в прошлом суффикса *-ист-* от осетинского слова *Уастырджи*, значение которого автор подает в примечании — «св. Георгий, одинаково чтимый осетинами — и мусульманами, и христианами». Посредством данного метатекстового включения автор устанавливает с русскоязычным читателем, живущим за пределами описываемого региона, общий код, учитывая примерный объем его тезауруса, ориентированного на нормы литературного словоупотребления. В дополнение к толкованию регионализма в примечании Цаликов вводит в речь Алибека (главного героя) слова, поясняющие, уточняющие его значение. В результате перед читателем возникает картина традиционных осетинских верований, и эти верования, согласно мнению героя, должны послужить важным объединяющим фактором как осетин-христиан, так и осетин-мусульман, ибо те и другие чтут святого Уастырджи. Таким образом, использование автором указанного регионализма позволяет более адекватно передать соответствующую когнитивную структуру, а читателю наглядно представить место традиционных верований осетин в контексте двух мировых религий — ислама и христианства.

Регионализм, обозначающий наиболее почитаемого осетинского святого, органически дополняется в приведенной конструкции упоминанием осетинского национального спиртного напитка — *араки*, ибо традиционный тост, который произносят вторым за осетин-

ским традиционным столом — тост во славу святого Уастырджи. Все это вместе взятое отражает наиважнейшую часть картины мира осетин, помогая избежать нежелательных ассоциаций и ошибочных оттенков у читателя. Примечательно, что автор не ограничивается однократным употреблением анализируемого регионализма, стремясь дать об обозначаемом им читателю наиболее полное представление, максимально раскрыть его когнитивную структуру, выявить его органическую связь с жизнью осетин. Путем мастерского использования регионализмов в речи персонажей, в данном случае в тосте Бибо, автор показывает, как причудливым образом традиционные верования осетин переплетаются с исламом. Ср.: «Тот (Бибо), взяв в левую руку пирог, а в правую стаканчик араки, произносит молитву. Все встают.

— О. Бог богов, кому нет равного, да будет приятна тебе наша молитва!

— Аминь, Аллах! — хором поддерживают присутствующие.

— Да будет угодна тебе наша молитва, святой Уастырджи, покровитель воинов, да пошлешь ты удачу нашим джигитам, которые будут проходить мимо тебя на бой, да будешь ты у них всегда на правой стороне...

— Аминь, Аллах!

— Уацилла, пребывающий на недоступной вершине Тбау, пошли нам обилие плодов, дабы труд нам всегда был сладок...

— Аминь, Аллах!

— О, всемогущий Бог, создавший нас, своих слабых сынов, поручи нас сонму твоих духов, дабы все они, слившись в дружескую семью, защитили нас от бед, обрушившихся на нашу землю!

— Аминь, Аллах!

— О, Бог богов! Образумь сердца несчастного народа, разбившегося на две части, народа, готового заняться самоистреблением. Пусть ненависть и злоба обратятся в любовь и дружбу.

— Аминь, Аллах!

— О, Башты Хицау, благослови возврат под отчий дом этого скитальца — надежды и гордости его рода, его аула и всего осетинского народа, да будет его приход в добрый час! Да будет благословение твое над этим домом! Да будут долголетни обитатели его! Да сопутствуют им в жизни удача и счастье! Да продлится в веках их род.

— Аминь Аллах!

Кончив молитву, Бибо глазами подзывает самого младшего из присутствующих. Последний, быстро приблизившись, берет в правую руку стаканчик с аракой, делает из него глоток, а затем, откусив кусок пирога, скромно отходит в сторону.

Мы приступаем к еде» (с.309).

Приведенный отрывок, насыщенный регионализмами, наглядно демонстрирует читателю эклектичное соединение в сознании осетин-мусульман национальных богов, святых и духов с Аллахом. Здесь и традиционный стаканчик араки, и покровитель воинов святой Уастырджи, и Бог богов всемогущий Башты Хицау — все они сосуществуют с Аллахом. Как следует из приведенного контекста, автор использует для их толкования не прямые пояснения, а указывает на место их пребывания, функции, назначение, тем самым устанавливая тождественный с читателем код, исходя из его возможного знания о мире, ориентируясь при этом на «усредненную» модель образа читателя. Используемые в тексте регионализмы аул и арака придают национальный

колорит осетинскому быту. Особо следует сказать о регионализме *аул*, обозначающем селения не только осетин, но всех северокавказских горцев. В анализируемом романе данная лексема необычайно употребительна, наоборот, ее русский синоним «селение» довольно редок, тем самым автор демонстрирует «власть слова» над человеком, поскольку слова «не только обозначают предметы, имена, чувства, виды деятельности и события, но и заставляют нас почувствовать на себе психическое и физическое влияние этих феноменов» [2]. Иными словами, используя регионализм *аул* вместо общерусского слова «селение», автор старается избежать нежелательных ассоциаций, свойственных русскому эквиваленту. Кроме того, регионализм *аул* в тексте романа тесно взаимодействует с иными связанными с ним регионализмами: *хадзар* (комната, в которой находится очаг), образованный от слова *кунак* по русской словообразовательной модели регионализм *кунацкая* (гостевая комната) и др.

Особенно ярко связь указанных регионализмов проявляется в следующем высказывании: «Пусть знает каждый горец, что у шишкауцев нет пуль и острых шашек против горцев-братьев, для каждого горца любая *кунацкая аула* открыта» (с.358). *Кунацкая*, *хадзар* — это необходимые составляющие любого аула, но не любого селения. Вот почему автор отдает предпочтение регионализму *аул* перед русской лексемой *селение*. При этом *кунацкая* для горцев — это не только помещение для гостей, но место воспитания молодежи, на что прямо содержится указание в романе. Ср.: «Быть джентльменом было моим всегдашним настроением и, наверное, это результат *кунацкого воспитания...*» (с.318).

При этом слово *аул* предстает в анализируемом произведении довольно освоенным русским языком, поскольку от него образуются при помощи русских словообразовательных аффиксов другие слова. Ср.: «Начальник *аульной* обороны пытается сложить с себя свое звание...» (с.298); «Через несколько минут... в сопровождении шести вооруженных всадников, моих родственников и *соаульников* я еду широким аллюром к селению Татьянинскому» (с.284).

Главный герой романа — человек, разочаровавшийся в революции, которая оказалась совсем не такой, каковой он ее представлял. Он видит разрушение экономики, падение нравов, чудовищную несправедливость, насилие, ложь, лицемерие, манипулирование людьми и др. Однако спасение от этих зол он усматривает не в цивилизации, а в уходе от нее в традиционный осетинский быт, в традиционные осетинские верования, обычаи и т.д. И в этом смысле огромное значение приобретают в романе регионализмы, связанные с обозначением бытовых реалий. Причем они не просто вводятся в ткань художественного повествования, но сопровождаются прямыми положительными оценками нарратора. Особенно ярко это проявляется в случае с буркой («Длинный или (до колен) плащ из тонкого войлока с козьей шерстью» [29, 65]). Ср.: «Утро довольно прохладное. Кутаюсь в бурку. Я люблю это национальное одеяние. В дороге оно незаменимо. Простота и удобство! Она надежно защищает от ветра, дождя. Удивительно, что в знойный день бурка дает прохладу!» (с.321). Далее герой подробно описывает то, как его мать изготовила эту бурку, как ей помогали в этом соседи и сестры героя Фаризет и Дзги. Завершается опи-

сание бурки оценочным высказыванием: «Удивительная вещь, мне почему-то кажется, что носить платье, сшитое из домашнего материала, приятнее, чем из фабричного...» (с.322). В результате, казалось бы, обычный регионализм превращается в своего рода сагу, в своеобразный гимн этому кустарному изделию и в то же время в протест против цивилизации, нивелирующей национальное своеобразие, наряду с положительными явлениями несущей немало отрицательного. Конечно, во многом это было обусловлено свершившейся революцией, как уже было указано выше, приведшей к разрушению экономики и падению нравов. И в этом смысле многие из используемых автором регионализмов обозначают важнейшие концепты осетинской культуры, культурные константы, наиболее яркой из которых является *худинаг*, о чем речь пойдет ниже.

Используя осетинские регионализмы, автор не только передает колорит национальной культуры, но и стремится привить к ней любовь, раскрыть ее огромный нравственный потенциал, стабилизирующие и объединяющие возможности.

Упомянутому выше регионализму *худинаг* автор уделяет в своем романе повышенное внимание. Пользуясь современной терминологией когнитивной лингвистики, можно сказать, что герой романа Алибек раскрывает сущность концепта «добро и зло» в осетинской ментальности, «схваченного плотью» данного регионализма. В романе подробно раскрыты представления, понятия, знания, ассоциации и переживания, сопровождающие данное слово и транслируемое им понятие. Автор эксплицирует внутреннюю форму ука-

занного концепта: «...то, что вызывает смех». «Конечно, злой, осуждающий смех» (с.408). «Худинаг» выступает в качестве оппозиции к концепту «совесть»: «Осетин боится не угрызений совести, а худинага — будут смеяться... будет стыдно» (с.405). Следовательно, чувство стыда обусловлено не внутренним состоянием, а внешним фактором, общественным мнением. Тот, кто не боится общественного мнения, тот бессовестный: «Если осетин совершает какой-нибудь неблагоприятный поступок, то о нем говорят, что «у него лица нет» (с.405), т.е. общественное осуждение не заставляет его краснеть.

Понятие худинага Алибек тесно увязывает с тщеславием, утверждая, что «люди, которые высшим критерием своего морального поведения ставят момент — «что о них скажут» — это и есть люди тщеславия» (с.405). В романе приведено множество разнообразных ситуаций, в которых поведение человека определяется худинагом. По мнению Алибека, такие качества осетина, как смелость, остроумие, гостеприимство и др. благородные качества обусловлены худинагом, ибо худинаг беспощаден. Он может превознести человека, сделавшего благородные дела, но и безжалостно покарать, про штрафившегося. Конечно, порой худинаг бывает несправедлив, ведь человек может попасть в неудобное положение не по зависящим от него обстоятельствам, в связи с некоей пустячной ситуацией. Герой романа справедливо по этому поводу говорит, что «худинаг» может стать «могучим стимулом народного прогресса», «если он будет заряжен не пустышками и глупышками, а настоящим элементом» (с.407).

Итак, в романе «Брат на брата» осетинские и общесеверокавказские ре-

гионализмы занимают существенное место, играют важную роль в формировании образа осетинского народа, кавказской природы, в передаче колорита региона. Используемые в романе регионализмы характеризуются большим тематическим разнообразием и охватывают многие аспекты жизни осетин: бытовую, религиозную, духовную, социальную, трудовую и др.

Важнейшей функцией проанализированных регионализмов в романе является их использование для романтизации патриархальной осетинской жизни в ее противопоставлении цивилизации, нивелирующей многие национальные явления, разрушающей народные нравственные основы. Именно эта функция осетинских регионализмов является основополагающей в романе, ибо они наиболее адекватно передают содержание когнитивной структуры и способствуют воссозданию национальной картины мира.

В толковании включенных в роман регионализмов Цаликов использует все имеющиеся в его распоряжении приемы: использует конструкции, содержащие пояснение или уточнение, синонимы, наиболее специфические регионализмы толкуются в примечаниях.

Поскольку структура повествования в романе характеризуется персонифицированным нарратором, выступающим в качестве действующего лица и непосредственного участника событий, взаимодействующего с другими персонажами произведения, постольку регионализмы используются исключительно в речи героев.

Дальнейшее изучение регионализмов в романе предполагает исследование широкоупотребительных региональных собственных имен, микротопонимов, их роли в установлении внутритекстовых связей, читательского восприятия, образов героев, развертывании его основных мотивов и тем и др. Большой интерес представляет также дальнейшее изучение лексических регионализмов в романе на основе их разделения на денотативные и коннотативные. Важно описание их образно-эстетических функций в связи с содержанием романа, выявление их роли в формировании литературного образа, исследование их влияния на развертывание идейно-эстетического содержания романа. Необычайный интерес представляет изучение калькирования писателем осетинских пословиц, поговорок, проклятий, их эстетической роли в романе.

1. Полякова Л. Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы. 2015. Май-июнь. С. 186-201.
2. Черемисина Е. В. О региолекте в современном языкознании // Перспективы развития современных гуманитарных наук: Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. Курск, 2015. С. 45-49.
3. Хорошева Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 32-36.
4. Бородина М. А. Диалект или региональные языки? // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 32-36.
5. Трубинский В. И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение: Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1991. С. 156-162.
6. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб., 2001.
7. Герд А. С. Историческая география и регионалистика: взаимоотношение в процессе изучения историко-культурных зон // Псковский регионалистический журнал. 2013. № 16. С. 107-116.
8. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.
9. Кадола Т. А. Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 22-20.
10. Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь, 2003.
11. Кошарная С. А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. 2017. № 14 (263). Вып. 34. С. 14-26.
12. Соколянская Н. Н. О некоторых группах региональной лексики в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова // Идеи, гипотезы, поиск. Магадан, 1995. Вып. 2. С. 63-66.
13. Гальченко И. Е. Лексика языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1976.
14. Беликов В. И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004. С. 23-34.
15. Резвухина Ю. А. Регионализм: к определению понятия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. Т. 6. Вып. 2. С. 84-90.
16. Черемисина Е. В. Регионализмы и их роль в художественном тексте М. Еськова // Современная наука. Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 173-176.
17. Григорьева Т. М. «Чудные по звучанию слова» В. Г. Распутина // Филология и человек. 2013. № 2. С. 83-92.
18. Захарова Е. В. Тема города и деревни в прозе Е. И. Замятина // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 8 (88). С. 136-142.
19. Зырянов О. В. Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка и перспективы

литературной регионалистики // Филологический класс. 2012. № 4 (30). С. 7-15.

20. Муравьева Н.М. Птицы Тихого Дона (на материале романа-эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон») // Филологическая регионалистика. 2009. № 1-2. С. 31-35.

21. Першина А.И. Мифопоэтика сибирского дома в романе Н.А. Лухмановой «В глухих местах» // Потенциал современной науки. 2014. № 7. С. 99-103.

22. Попова Е.А. Провинциальный текст русской литературы с точки зрения лингвистики сверткста // Филологическая регионалистика. 2013. № 2 (10). С. 39-44.

23. Цаликов Ахмед. Избранное. Владикавказ, 2002.

24. Урысов Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003.

25. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3-12.

26. Бессер-Зигмунд К. Магические слова [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/besser_zigmund_kora/magicheskie_slova.html

27. Мифы народов мира. В 2-х т. / Под ред. С.А. Токарева. М., 1987. Т. 1.

28. Мифы народов мира. В 2-х т. / Под ред. С.А. Токарева. М., 1987. Т. 2.

29. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2013.

Kunavin, Boris V. — K.L. Khetagurov North Ossetian State University; vladraikun@mail.ru

FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF OSSETIAN AND COMMON NORTH CAUCASIAN REGIONALISMS IN A. TSALIKOV'S NOVEL «BROTHER AGAINST BROTHER».

Keywords: *regiolect, regionalism, local borrowing, regionalism, dialect, dialect, canism, barbarism, exoticism.*

The recently intensified interest in the problems of philological regionalism, the subject of which is the language of the regions, characterized by a kind of territorial coloring, accounts for the relevance of the present study. Meanwhile, in the existing scientific literature, such concepts as regionalelect, regionalism, have not received clear interpretation and are not clearly separated from related concepts. The question of the relation of the regional options language to the common language norm is not defined, nor the ratio of regiolect to the literary language, the composition of regiolect has not been identified. Many controversial issues are related to regionalism, which is a local borrowing and is functioning in the fabric of the work of art. In this sense, the relevance of this article is obvious. The aim of the article is to study the functions of the Caucasian and Ossetian regionalisms in A. Tsalikov's novel «Brother Against Brother». The main research methods are descriptive, stylistic and cognitive. The scientific novelty of the work is to clarify the concepts of regionalelect, regionalism, to reveal the functions of regionally marked units in the novel by A. Tsalikov «Brother Against Brother», in the comprehension of the creative individuality of the author, in the description of the structure of the narrative in the novel and the disclosure of ways of representation of local borrowings in it. The main results of the work are the following: the most important function of regionalisms in the novel, used for the romanticization of the Patriarchal Ossetian life in its opposition to civilization, leveling many national phenomena, destroying the people's moral foundations, is revealed. It is this function of Ossetian regionalisms that is fundamental in the novel, because they most adequately convey the contents of the cognitive structure and contribute to the reconstruction of the national picture of the world; in addition, the thematic groups of this category of regional vocabulary are highlighted in

the text of the work; the ways of their inclusion in the fabric of the novel are considered; their interaction with other elements of the text is analyzed. It is concluded that in addition to the transfer of the color of Ossetian life, broadcasting traditional Ossetian culture, the analyzed regionalisms serve to convey the emotional state of the characters, especially the main character, passionately protesting against the negative aspects of civilization and romanticizing the patriarchal way of life.

REFERENCES

1. Polyakova, L. *Filologicheskaya regionalistika kak nauka* [Philological regionalistics as a science]. *Voprosy literatury* [Issues of literature]. 2015, May-June, pp. 186-201.
2. Cheremisina, E. V. *O regiolekte v sovremennom yazykoznanii* [About the regionolect in modern linguistics]. *Perspektivy razvitiya sovremennykh gumanitarnykh nauk. Sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Perspectives of the development of modern Humanities. Collection of the scientific works by the International scientific conference]. Kursk, Innovatsionnyy tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki, 2015, pp. 45-49.
3. Khorosheva, N. V. *Regiolekt kak promezhutochnyy idiom vo frantsuzskom i russkom yazykakh* [Regiolect as an intermediate idiom in French and Russian]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of the Perm University. Russian and foreign Philology]. 2011, vol. 3 (15), pp. 32-36.
4. Borodina, M. A. *Dialekt ili regional'nye yazyki?* [Dialect or regional languages?]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of linguistics]. 1982, no. 5, pp. 32-36.
5. Trubinsky, V. I. *Sovremennyye russkie regiolekty: primety stanovleniya* [Modern Russian regiolects: signs of becoming]. *Pskovskie govory i ikh okruzhenie: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Pskov dialects and their environment: interuniversity collection of scientific articles]. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute, 1991, pp. 156-162.
6. Gerd, A. S. *Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction in ethno-linguistics: course of lectures and chrestomathy]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University, 2001. 488 p.
7. Gerd, A. S. *Istoricheskaya geografiya i regionalistika: vzaimootnoshenie v protsesse izucheniya istoriko-kul'turnykh zon* [Historic geography and regionalistics: interaction in the process of studying of historic and cultural zones]. *Pskovskiy regionalisticheskii zhurnal* [Pskov regionalistics journal]. 2013, no. 16, pp. 107-116.
8. Zherebilo, T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms] Nazran, Pilgrim, 2010. 486 p.
9. Kadolo, T. A. *Regional'naya leksika kak proyavlenie polikul'turnosti* [Regional vocabulary as a manifestation of multiculturalism]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. 2011, no. 2 (14), pp. 22-20.
10. Erofeeva, E. V. *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of idioms: the sociolinguistic aspect]. Perm, Perm State University, 2003. 320 p.
11. Kosharnaya, S. A. *Regiolekt Belgorodchiny kak lingvokul'turnoe obrazovanie* [Regiolect of the Belgorod region as a linguistic and cultural formation]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta. Gumanitarnyye nauki. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific statements Belgorod State University. Humanitarian sciences. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology]. 2017, no. 14 (263), vol. 34, pp. 14-26.
12. Sokolyanskaya, N. N. *O nekotorykh gruppakh regional'noy leksiki v «Opisanii zemli Kamchatki» S. P. Krasheninnikova* [On some groups of regional vocabulary in the «Description of the Land of Kamchatka» by S. P. Krasheninnikov]. *Idei, gipotezy, poisk* [Ideas, hypotheses, search]. Magadan, North International University, 1995, iss. 2, pp. 63-66.
13. Galchenko, I. E. *Leksika yazykov narodov Severnogo Kavkaza v russkom yazyke* [Vocabulary of languages of the peoples of the North Caucasus in Russian]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University, 1976. 108 p.

14. Belikov, V.I. *Sravnienie Peterburga s Moskvoy i drugie soobrazheniya po sotsial'noy leksikografii* [Comparison of Petersburg with Moscow and other thinks on social lexicography]. *Russkiy yazyk segodnya*. Vyp. 3. *Problemy russkoy leksikografii* [Russian language today. Iss. 3. Problems of Russian lexicography]. Moscow, Institute of the Russian language, 2004, pp. 23-34.
15. Rezvukhina, Yu. A. *Regionalizm: k opredeleniyu ponyatiya* [Regionalism: on the definition of the concept]. *Interexpo Geo-Sibir'* [Interexpo Geo-Siberia]. 2015, vol. 6, iss. 2, pp. 84-90.
16. Cheremisina, E. V. *Regionalizmy i ikh rol' v khudozhestvennom tekste M. Es'kova* [Regionalisms and their role in literary text by M. Eskov]. *Sovremennaya nauka. Gumanitarnye nauki* [Modern science. Humanities]. 2016, no. 3, pp. 173-176.
17. Grigorieva, T. M. «*Chudnye po zvuchaniyu slova*» V. G. Rasputina [«Wonderful sounding words» by V. G. Rasputin]. *Filologiya i chelovek* [Philology and man]. 2013, no. 2, pp. 83-92.
18. Zakharova, E. V. *Tema goroda i derevni v proze E. I. Zamyatina* [The theme of the city and the village in E. Zamyatin's prose]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Humanities Series]. 2010, no. 8 (88), pp. 136-142.
19. Zyryanov, O. V. *Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiryaka i perspektivy literaturnoy regionalistiki* [The creative heritage of D. N. Mamin-Sibiryak and the prospects of literary regionalistics]. *Filologicheskii klass* [Philological class]. 2012, no. 4 (30), pp. 7-15.
20. Muravieva, N. M. *Ptitsy Tikhogo Dona (na materiale romana-epopei M. A. Sholokhova «Tikhiy Don»)* [Birds of the Quiet Don (on the material of the novel-epopee by M. Sholokhov «The Quiet Don»)]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological regionalistics]. 2009, no. 1-2, pp. 31-35.
21. Pershina, A. I. *Mifopoetika sibirskogo doma v romane N. A. Lukhmanovoy «V glukhikh mestakh»* [Mithopoetics of siberian house in the novel by N. Lukhmanova «In the wilderness places»]. *Potentsial sovremennoi nauki* [Potential of modern Science]. 2014, no. 7, pp. 99-103.
22. Popova, E. A. *Provintsial'nyy tekst russkoy literatury s tochki zreniya lingvistiki sverkh teksta* [Provincial text of Russian literature in terms of supertext linguistics]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological regionalistics]. 2013, no. 2 (10), pp. 39-44.
23. Tsalikov, Ahmed. *Izbrannoe* [Select]. Vladikavkaz, Ir, 2002. 544 p.
24. Uryson, E. V. *Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira* [Problems of studying the language picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. 224 p.
25. Vinogradov, V. V. *Osnovnye tipy leksicheskikh znacheniy slov* [The main types of lexical meanings of words]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 1953, no. 5, pp. 3-12.
26. Besser-Sigmund, K. *Magicheskie slova* [Magic words]. [Electronic resource]. URL: https://royallib.com/read/besser_zigmund_kora/magicheskie_slova.html
27. Tokarev, S. A. (ed.) *Mify narodov mira. V 2-kh t.* [Myths of the peoples of the world. In 2 vols]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987, vol. 1. 672 p.
28. Tokarev, S. A. (ed.) *Mify narodov mira. V 2-kh t.* [Myths of the peoples of the world. In 2 vols]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987, vol. 2. 720 p.
29. Ozhegov, S. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Mir i Obrazovanie, 2013. 731 p.